

ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

ПАВЕЛ І
ПЕТРОВИЧ

Правители России

Анна Семенова

**Император Всероссийский
Павел I Петрович**

«ИД Комсомольская правда»

2015

Семенова А. В.

Император Всероссийский Павел I Петрович /
А. В. Семенова — «ИД Комсомольская правда»,
2015 — (Правители России)

ISBN 978-5-87107-923-2

Павлу Первому катастрофически не повезло в жизни. Он опоздал сесть на трон, куда не допускала его родная мать Екатерина Вторая. А заняв престол после ее смерти, Павел и не представлял, что станет первым императором России, которого убьют собственные гвардейцы. Да, Павла не любили в русское офицерство в целом и гвардия в частности. Но вины Павла в этом не было, была его беда. Он был все детство отчаянно нелюбим матерью Екатериной Второй и слишком поздно вошел на трон. Ему хотелось быстрых и нужных, кстати, России реформ. Но в России реформы не любят в принципе. И за каждым распоряжением Павла (иногда и вправду были невероятные, типа высылки всех извозчиков из Петербурга за то, что у одного полиция нашла пистолет!) потянулся хвост сумасбродства. Если говорить коротко, то заговорщики, убившие императора, именно этим и оправдывались: сумасброден, все в империи зашаталось, в армии закрутил гайки... Но если говорить еще короче, Павла подвело его резкое сближение с континентальной Европой Францией и ненависть к Англии. Павел, например, приглашал Папу римского перебраться в Петербург. Так что за ударом в висок зубовской золотой табакеркой стояло английское золото. Знал ли сын Павла Александр о заговоре? За это говорит то, что вступая на трон он сказал: «При мне все будет, как при бабушке...» И екатерининская камарилья успокоилась. Но были и еще слова, которые еще сильнее доказывают причастность сына к убийству отца. Вдова Павла и мать Александра дала сыну пощечину. И, помолчав, сказала: «Ступайте царствовать».

ББК 63-8

ISBN 978-5-87107-923-2

© Семенова А. В., 2015

© ИД Комсомольская правда, 2015

Содержание

Павел – великий князь	6
Детство и юность	6
Семейная жизнь	11
Императрица и наследник	14
Заграничное путешествие графов Северных	15
Павловск	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Семёнова **Император Всероссийский** **Павел I Петрович. 20** **сентября 1754 – 11 марта 1801**

Павел – великий князь

Детство и юность

«Этот государь родился в недобрый час. Народы уже давно с нетерпением ждали его появления на свет, но отец отрекся от него, а мать его невзлюбила», – так писал о рождении императора Павла Первого один из его приближенных. Его родителями были будущие император Пётр III и императрица Екатерина II. Наследник российского престола великий князь Павел Петрович был крайне противоречивой фигурой. Вероятно, ни о ком из русских царей не было сложено столько исторических анекдотов и никто так неоднозначно не оценивался потомками – от крайне отрицательных оценок его короткого царствования, его политики и личности до прямо противоположных. Так, например, один из современных историков, Н. Я. Эйдельман, считал Павла умным, последовательным и прогрессивным политиком, непонятым своим временем. Однако большинством историков эта точка зрения не разделяется.

Павел I Петрович.

Появившись на свет 1 октября 1754 года, он тотчас же был отнят у родителей императрицей Елизаветой Петровной, которая взяла воспитание ребенка в свои руки. Само его рождение было очень тяжелым для его матери, великой княгини Екатерины Алексеевны, не только физически, но определялось полным равнодушием, проявленным к ней в первые часы после рождения сына. Она вспоминала, что оказалась в полном одиночестве, брошенной приближенными, что повлекло тяжелую болезнь. Двести пушечных залпов сообщили российским подданным о рождении наследника престола. Ребенок был окружен согласно старым русским традициям множеством нянюшек, державших его в тепличных условиях, в тесных дворцовых помещениях. Екатерина, навестившая сына тайком вскоре после его рождения, увидела его в «неимоверно душной комнате, укутанного во фланелевые пеленки, в колыбельке, обложенной мехом чернобурой лисы; при этом покрыт он был атласным ватным одеялом. А поверх – другое одеяло, розового бархата, на меху тех же чернобурок». От этого его лицо и тело были покрыты потом, и «когда он подрос, – вспоминала мать, – малейший ветерок вызывал переохлаждение и заболевание». (Вероятно, подобные тягостные воспоминания о раннем детстве своего сына впоследствии были одной из причин, заставивших императрицу придерживаться совершенно иных методов при воспитании внуков, особенно старшего, своего любимца Александра. Екатерина II с первых дней после его появления на свет старалась закалять малыша, держать его в прохладном помещении, купать в воде, постепенно понижая температуру, одевать в просторную одежду, давать возможность много времени проводить на воздухе. «Господин Александр», как она называла внука, был, по ее словам, всегда весел, здоров и приветлив.) Он рано почувствовал свое одиночество, страдал без родительской ласки и привязался впоследствии к своему наставнику – выдающемуся государственному деятелю Никите Ивановичу Панину, который занимался его воспитанием с шести лет по распоряжению Елизаветы Петровны.

Великий князь Пётр Фёдорович. Художник Г. Х. Гроот.

Внешность Павла Петровича была весьма своеобразной. Современники оставили различные его словесные портреты. Все отмечали курносость, однако подчеркивали, что его «глаза сохранили много выражения, а его очень большие зубы были так белы и ровны, что рот от этого казался почти приятным.

Он был чрезвычайно худ и состоял весь из костей и мускулов. Но в талии хорошо сложен, и, если бы он, желая вырасти и приобрести величественный вид, не приучил себя к театральной походке, его можно было бы назвать стройным». Образование, которое получил будущий император под руководством Панина, можно считать типичным для норм своего времени. Молодой великий князь изучал науки в рамках гимназического курса, то есть литературу, историю, географию и математику, и, конечно, иностранные языки, которые ему преподавали хорошие учителя, преимущественно немецкого и французского происхождения. Среди них выделялся Франц Эпинус – известный физик, математик, астроном и писатель, профессор Берлинского университета, приглашенный в Российскую академию наук и принявший впоследствии русское подданство. В России он стал известен не только научной деятельностью, но и различными поручениями, которые ему давала Екатерина II, в частности, он был автором записки об организации в стране низшего и среднего школьного образования. В числе учителей Павла были также один из лучших богословов – будущий митрополит Платон, и крупный деятель екатерининского правления Г. Н. Теплов, знакомивший наследника с основами государственного устройства. Впечатлительный и остроумный, наблюдательный и насмешливый, с сильно развитым воображением, он много читал и любил театр.

Императрица Екатерина Алексеевна. Художник Ф. С. Рокотов.

«Павел умел вести скорее блестящий, чем основательный разговор, отличался большою вежливостью к женщинам, правильно оценивал величие своей судьбы», – писал один из его приближенных. Отдаленный от матери, он испытывал к ней сложные чувства, в которых соединялись уважение и «высший страх». Особенности воспитания, реалии придворной жизни, полной интриг, смерть Елизаветы Петровны, равнодушие отца, едва вступившего на престол и свергнутого женой, все это и многое другое, наряду, вероятно, с не лучшей наследственностью, стало причиной формирования раздражительного и желчного характера, склонного иногда к внешне неадекватным поступкам, резким сменам настроения, подозрительности. Один из русских воспитателей Павла Семен Порошин вел дневник, куда вошли многие подробности жизни его воспитанника и двора в целом. Он отмечал «живой характер и нежное сердце» великого князя, но в то же время капризность и категоричность суждений. Так, однажды Павел резко и невежественно высказался о деятельности Ломоносова, узнав о его смерти, однако несколько месяцев спустя, услышав от учителя одну из од покойного великого ученого, воскликнул: «Ужась как хорошо! Это наш Волтер!» Он рано понял, что у него есть безоговорочное право командовать людьми, невзирая на их возраст и положение, откуда и проистечет впоследствии деспотизм его правления.

Великая княгиня Наталия Алексеевна. Художник А. Рослин.

Детское увлечение наследника играми в солдатики и игрушечное ружье, характерное почти для всех мальчиков, постепенно переросло в пристрастие к «взрослым» парадом, баталиям, военным занятиям. Он получал большое удовольствие от присутствия на грандиозных парадах. Эта страсть, формировавшаяся в детстве, станет одним из важнейших занятий императора после занятия им престола.

Семейная жизнь

Как и в далекие века, когда символом совершеннолетия наследника престола должна была стать женитьба, так и в связи с приближающимся восемнадцатилетием сына Екатерина задумалась о его женитьбе, в данном случае ее выбор пришелся по сердцу молодого великого князя. По совету Фридриха II императрица пригласила в Россию ландграфа Гессен-Дармштадтского Людвига IX с тремя дочерьми. Выбор матери, так же как и сына, остановился на средней из сестер – Августе-Вильгельмине-Луизе. Екатерина писала: «Мой сын с первой же минуты полюбил принцессу Вильгельмину, я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он, и так как эта принцесса во всех отношениях превосходит своих сестер... старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой влюблен».

С 15 августа 1773 года принцесса Вильгельмина стала называться великой княжной Наталией Алексеевной, а на следующий день состоялось ее обручение с великим князем. Церемония бракосочетания, пышная и помпезная, состоялась через полтора месяца в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, стоявшей на месте построенного позже Казанского собора в Петербурге. Молодая великая княгиня отличалась сильным и упорным характером, и хотя была нежно любима своим мужем, однако императрица постепенно разочаровывалась в своей невестке. «Опасаясь злых, мы не доверяем целой земле, – писала вскоре Екатерина о жене сына. – Не слушаем ни хороших, ни худых советов. До сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всем этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и все хотят делать по-своему. Спустя полтора года и более мы еще не говорим по-русски, хотим, чтобы нас учили, но не хотим быть прилежными. Долгов у нас вдвое больше, чем состояния, а едва ли кто в Европе столько получает». В этом отношении императрица была права. Наследник, как свидетельствовал современник, «жил на всем готовом, получал содержание в 175 тысяч рублей серебром, а его супруга 70 тысяч».

«Молодой двор» жил самостоятельной жизнью, проводя время в развлечениях, увлекаясь французским театром и литературой. Здесь царили свои приближенные, среди которых выделялся молодой красавец-моряк, придворный, дипломат Андрей Кириллович Разумовский. Участник победоносного Чесменского морского сражения с турками в 1770 году, он в детстве был товарищем игр великого князя и стал пользоваться расположением великой княгини, которую еще невестой сопровождал морским путем в Россию. Екатерину особенно смущали политические интриги, которые, по слухам, затевал Разумовский, располагая поддержкой жены ее сына. Все это, однако, довольно скоро прекратилось, так как 15 апреля 1776 года великая княгиня скончалась при родах. Она страдала несколько дней, но никакой оперативной помощи не получила, погиб и ребенок. В придворной среде распространялось мнение об анатомических дефектах великой княгини, помешавших ей произвести на свет сына естественным путем, однако никто, по крайней мере публично, не задавался вопросом, почему не использовали операцию, чтобы спасти ее жизнь. Горе мужа казалось безграничным, хотя уже в том же году Екатерина с помощью европейской дипломатии остановила свой взор еще на одной немецкой принцессе – Софии Доротее Августе Луизе Вюртемберг-Монбельянской.

Великая княгиня Мария Фёдоровна. Художник А. Рослин.

Она была на пять лет моложе Павла, отличалась высоким ростом, красивой внешностью и была крещена в православие как Мария Фёдоровна. Этот семейный союз оказался счастливым, в браке родилось четверо сыновей (двое из которых – Александр и Николай стали императорами) и шесть дочерей. Мария Фёдоровна была образованной и умной женщиной. Она увлекалась гравёрным искусством: камеи ее работы отличались изысканностью и мастерством исполнения; по моде того времени она любила также токарное искусство. Но особым пристрастием великой княгини, а потом императрицы стало цветоводство. До настоящего времени в Павловске выращивают те цветы, которые разводила Мария Фёдоровна. Другой важной стороной ее деятельности стала благотворительность, которой она посвятила себя после восшествия на престол Павла. 12 ноября 1796 года она была поставлена «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц». Императрица проявила большую энергию и привлекла в пользу общества много пожертвований. Весной следующего года Мария Фёдоровна стала главной начальницей воспитательных домов. В это время в них наблюдалась крайне высокая детская смертность, причину которой императрица видела в неконтролируемом очень большом количестве приносимых младенцев. В связи с этим было решено ограничить число малышей, воспитывающихся в московском и петербургском домах пятьюстами, а остальных приносимых в дома младенцев отдавать в казенные деревни «благонадежным и доброго поведения крестьянам на воспитание с целью приучить питомцев правилам сельского домоводства; мальчиков оставлять у крестьян до 18-летнего возраста, девочек до 15 лет». В воспитательных домах же должны были оставаться лишь совершенно слабые дети, требовавшие постоянного ухода.

Великие князья Александр и Константин Павловичи. Художник Р. Бромптон.

В молодости жившая в весьма скромной обстановке, молодая великая княгиня с удовольствием окунулась в роскошь екатерининского двора. Она с удовольствием в течение дня носила тяжелые парадные платья, участвовала в придворных празднествах. В музее Павловска сохранилось несколько платьев Марии Фёдоровны разных периодов жизни, отличающихся изяществом и вкусом. Так, например, самое раннее по времени изготовления – середины 1770-х годов – это утреннее платье на фижмах из светлого шелка с росписью акварелью в виде изящных веточек с листьями и ягодами. Первые годы молодые супруги жили в Петербурге и Царском Селе, прогулки в котором были их любимым занятием. Маршрут определялся согласно одной из записочек, написанных великим князем, и доставался по жребию из шляпы. Оба любили составлять небольшие письма-записки со своими впечатлениями и мыслями. «Мой дорогой муж – ангел, – писала Мария Фёдоровна в одной из записок по-французски. – Я его люблю до безумия. Люблю в тысячу раз больше, чем самое себя». Иногда она писала по-русски, стараясь тщательно воспроизводить русский алфавит.

После рождения в 1777 году первенца Александра, с которым Екатерина поступила так, как когда-то с Павлом Елизавета Петровна, отобрав его у матери, молодые родители получили в подарок от императрицы село Павловское с угодьями, деревнями и крестьянами. Вскоре здесь начнется строительство дворца – любимой резиденции Марии Фёдоровны.

Императрица и наследник

Существует обширная историческая литература об отношениях Екатерины II и Павла. Основные ее положения сводятся к следующему. Материнские качества императрицы, если они и существовали, явно отступали перед проблемами власти. Взойдя на престол в 1762 г. с помощью гвардии в результате дворцового переворота и устранив своего мужа – императора Петра III (Павлу в это время еще не исполнилось восьми лет), Екатерина была всегда озабочена легитимизацией своей власти. До переворота и в первое время после него императрица выступала от имени малолетнего сына, делая намеки о своем возможном регентстве. Однако после укрепления ее позиций и коронации в Москве эта тема постепенно угасла. Тем не менее имелись силы, представленные прежде всего наставником Павла Никитой Паниным, осторожно воспитывавшим наследника в оппозиционном к матери духе, подчеркивающим его законное право на власть как сына Петра III, вопреки позиции матери, незаконно захватившей трон. Отсюда, несомненно, проистекает интерес наследника к фигуре отца, а также к самозванчеству, существовавшему в казачьей среде и отразившемуся впоследствии в восстании Пугачева, выступавшего от имени Петра III. Имея осведомителей, императрица знала о настроениях «партии Панина», к которой примкнула и первая жена Павла – Наталия Алексеевна, вскоре скончавшаяся. Восемнадцатилетие Павла не привело к занятию им трона. Под предлогом совершеннолетия ученика наставник Панин был удален с достойным вознаграждением. Однако идеи возвести на престол Павла, отстранив мать и ограничив царскую власть подобием конституции, продолжали жить в интеллектуальной части высшего дворянства. Современные исследователи обратили внимание на известный, но почти забытый сюжет из записок декабриста М. А. Фонвизина, написанных во время сибирской ссылки. Племянник известного драматурга екатерининской эпохи Д. И. Фонвизина записал: «В 1773 или 1774 году, когда цесаревич достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Наталией Алексеевной, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал Н. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее за своею подписью и дал присягу в том, что воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие. Душою заговора была супруга Павла, великая княгиня Наталия Алексеевна, тогда беременная».

Далее в записках декабриста сообщалось, что через осведомителей императрица узнала о планах заговорщиков, однако, по понятным причинам, не стала привлекать к ним внимания, она лишь удалила их от двора и усилила наблюдение. В этой связи находит свое объяснение, впрочем, на уровне предположений, что помощь умиравшей великой княгине не была оказана сознательно. Текст «конституции Фонвизина – Панина», под которым этот документ вошел в историю, не найден, но сохранилось его предисловие, а в записках М. А. Фонвизина даже делается попытка реконструировать его содержание. Этот сюжет, ставший одним из самых засекреченных в следующем веке, является весьма важным для понимания сложной проблемы престолонаследия и отношений императрицы и ее сына. Политика императрицы, направленная на возможное отстранение сына от наследования престола и передачу власти старшему, любимому внуку Александру, стала проявляться вскоре после описываемых событий. Так, явно не случайно два старших внука, Александр и Константин, были отняты бабушкой у родителей, а последние через два года после рождения второго сына в сентябре 1781 года были отправлены в длительное европейское путешествие.

Заграничное путешествие графов Северных

«Я никогда не мог выяснить, что именно заставило Екатерину отправить великого князя в путешествие», – вспоминал хорошо осведомленный Фёдор Головкин. Этому можно не удивляться, так как организации путешествия предшествовала сложная интрига. Считается, что во время визита в Россию императора Священной Римской империи, которого иногда называют австрийским императором, Иосифа II, он подал Екатерине мысль отправить наследника с женой «на прогулку» в Европу. Зная склонность сына к противодействию всем ее начинаниям, она поручила князю Репнину подготовить Павла к идее заграничного путешествия и рекомендовать ему обратиться к матери за разрешением. Первоначально императрица, согласно ее плану, отказала сыну и затем, вняв мольбам, дала согласие. Однако в подготовку этого мероприятия вмешались другие силы: отстраненный от своего воспитанника, но сохранивший на него влияние, Никита Панин, сторонник сближения с Фридрихом II и Пруссией, в противовес Австрии, усмотрел в этой поездке угрозу для прежнего дипломатического курса России и будущего Павла. Он старался заставить наследника отказаться от этой идеи, тем более что императрица запретила сыну посещать Берлин и видаться с Фридрихом II, поклонником которого, а также его военной системы был Павел. Последний внял опасениям Панина, что его могут лишиться надежд на трон, не впустив обратно в Россию и объявив наследником сына, Александра. Павел пытался отказаться от поездки, но безрезультатно.

Маршрут, рассчитанный на 14 месяцев и имевший главной дипломатической целью укрепление союза между Россией и Австрией, был тщательно разработан самой императрицей и рассчитан по дням. Через Украину граф и графиня Северные, под такими именами наследная чета должна была передвигаться по Европе (хотя всем был известен их реальный статус), предполагали направиться в Австрию, затем посетить Италию, Францию, Голландию, германские государства, Польшу. На поездку были выделены значительные средства, обеспечена свита из придворных, а также слуг, врачей, писарей, поваров и даже астролога. Путешествие обросло большой литературой, многочисленными воспоминаниями, нередко противоречащими друг другу. Через Варшаву после встречи с королем Станиславом Понятовским, бывшим близким другом Екатерины, путешественники прибыли в Вену, где им был оказан роскошный прием: банкет, бал-маскарад и грандиозный военный парад, право принимать который было предоставлено Павлу. И в других городах Австрии «графов Северных» принимали согласно протоколу самого высокого уровня. Желая сделать путешествие как можно более приятным, Иосиф II писал в европейские страны письма с просьбами проявить максимальное почтение к российской чете. Он даже сообщил их вкусы, подчеркнув, что «они совсем не привередливы в еде и в основном предпочитают простую, но качественную пищу, а фруктовые компоты являются особенно предпочтительными. Они пьют только воду». Мария Фёдоровна также была польщена любезностью Иосифа II, особенно когда он привез в Вену ее родителей, которых она не видела со времени приезда в Россию.

Воодушевленный свободой и неожиданным для него теплым приемом в европейских государствах, где в отличие от матери его воспринимали как наследника престола и консультировались с ним по государственным вопросам, Павел повел себя неосторожно, критикуя политику Екатерины и ее фаворитов. Одновременно он подчеркивал, что боится за свою жизнь. Так, Фёдор Головкин сообщал о «странных сценах», имевших место во время пребывания Павла в Италии. Во время обеда в семейном кругу у герцога Тосканского Леопольда, брата Иосифа II, во Флоренции великий князь «вдруг вскочил из-за стола и, сунув все свои пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту, стал кричать, что его отравили. Великогерцогская семья, крайне обиженная в своей мещанской простоте, все же старалась всеми средствами

его успокоить; но потому ли, что Павел действительно воображал, что он находится в опасности или же потому, что он притворялся – его удалось успокоить лишь с большим трудом».

Другой инцидент имел место в Неаполе, когда «однажды зашла речь о правительстве, королева сочла нужным сказать, что не следует говорить о законах в присутствии принца, привыкшего к самому совершенному законодательству, которое существует на свете. На это великий князь воскликнул: «Законы в такой стране, где та, кто царствует, может удержаться на троне только в силу того, что она законы топчет ногами!» Все ужаснулись... и постарались скорее переменить разговор». Тем не менее итальянские собеседники Павла отмечали и положительные стороны его поведения и ума. Так, тот же герцог Тосканский Леопольд отмечал осведомленность наследника российского престола в вопросах внешней политики, его аргументы против линии матери на союз с Австрией и, напротив, пропрусские симпатии Павла. «Он не скрыл от меня, – писал Леопольд, – что не одобряет всех обширных проектов и нововведений в России, которые в действительности впоследствии оказываются имеющими более и пышности и названия, чем истинной прочности». В этом же разговоре «граф Северный» разгорячился и заявил, что ему известны имена петербургских должностных лиц, якобы «купленных Венским двором». «Это князь Потемкин, статс-секретарь императрицы Безбородко, первый член Иностранной коллегии Бакунин, оба графы Воронцовы, Семен и Александр, и Марков, теперь посланник в Голландии». Павел подчеркнул, что он будет доволен, если узнают, что ему известно, кто они такие, и лишь только он получит власть, то их «отстегают», уничтожит и выгонит. В другом письме Леопольд замечал: «Граф Северный, кроме большого ума, дарований и рассудительности, обладает талантом верно постигать идеи и рассудительности и быстро обнимать все их стороны и обстоятельства. Из всех его речей видно, что он исполнен желанием добра. В его образе мыслей видна энергия. Мне он кажется очень твердым и решительным, когда остановится на чем-нибудь, и, конечно, он не принадлежит к числу тех людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою».

Охота на оленя в Шантении. Художник Ж.-Б. Лепан.

Италия как центр античного наследия не оставила равнодушными российских путешественников. Они знакомились с историческими памятниками, в окрестностях Неаполя посетили Помпеи и Геркуланум, ездили в Казерту, где осматривали хорошо сохранившиеся древние водопроводы, в Риме были приняты папой Пием VI. В Италии «графы Северные» получили множество подарков, среди них были произведения неаполитанской фарфоровой мануфактуры: 27 копий античных бюстов, найденных в Геркулануме, а также полное собрание лав Везувия из 950 образцов. В Риме они неоднократно посещали собор Святого Петра, любовались фресками работы великих мастеров, побывали в мастерских известных художников и гравёров, где, помимо подарков, приобрели немало изделий. Все эти произведения искусства украсили залы дворца в Павловске.

Пребывание «графов Северных» во Франции оставило много следов и в мемуарной литературе, и во французских газетах. На публику российская пара произвела благоприятное впечатление. Газета «Ле Меркюр де Франс» так характеризовала наследника: «Говорит он мало, но весьма кстати, не эмоционально, но свободно и без демонстративной лести». Великая княгиня показалась очень привлекательной, хотя и немного полноватой по французским меркам. В Париже началась мода на «все русское». Павел и Мария Фёдоровна были приняты Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Программа торжеств была обширна: ужины, костюмированные балы, спектакли. Пресса отметила, что во время музыкального вечера в Малом Трианоне прическа великой княгини была украшена маленькой птичкой из драгоценного камня с крыльями, раскрывающимися при помощи пружинки. Туалеты и прическа Марии Фёдоровны особенно интересовали придворных дам. Одна из них заметила у великой княгини «очень модную штучку: в причёску были заложены маленькие плоские бутылочки, изогнутые по форме головы, заполненные немного водой и скрытые бриллиантами. В них были вставлены живые цветы, а вода поддерживала их в невянущем виде и придавала прохладу голове... – это было прелестно: весна на голове среди снегов пудры». На одном из праздников великая княгиня появилась в роскошном платье из парчи, расшитом жемчугом, что тоже отметили внимательные наблюдатели.

Путешественники посетили Севр и Марли, в замке Шантийи принц Конде дал в их честь обед, сервированный на золотой и серебряной посуде. Затем состоялась охота на оленя с факелами. В память о визите Конде заказал живописцу Жану-Батисту Лепану картину «Охота на оленя в Шантийи», которая была преподнесена Павлу Петровичу в 1785 году и хранится теперь в Павловском дворце. Рядом с замком находилась деревня Шантийи. Воспоминания баронессы Генриеты д'Оберкирх, подруги детства Марии Фёдоровны, путешествовавшей вместе с ней и Павлом по Франции, Германии и Бельгии, рисуют картину пребывания графа и графини Северных в деревне: «После наступления ночи, как мне показалось, на всех листьях зажглись бумажные фонарики. В зеленых кабинетах и в павильонах устраивались танцы. Ужин был накрыт в деревушке, в мило придуманных и живописно расположенных сельских домиках в центре английского сада. Самая большая хижина была внутри украшена листвою, а снаружи окружена всеми инструментами хорошего пахаря... По окончании стола ездили на судах по протекающей речке через оную часть сада, на которых была музыка и оныя суда были украшены фонарями».

Барон Гримм, многолетний корреспондент Екатерины, в своей рукописной газете, рассылавшейся европейским монархам, под названием «Литературная корреспонденция», отмечал естественное поведение наследника во Франции, его высокую образованность и культуру. «В Версале он производил впечатление знатока Французского двора, изучившего его так же хорошо, как и свой. В мастерских наших художников (с наибольшим интересом он виделся главным образом с господином Грёзом и господином Гудоном) он высказал такие познания в искусстве, которые делали его одобрения для них более ценными. В наших лицах и академиях своими похвалами и вопросами он доказал, что он давно знает

тех людей, просвещенность или добродетели которых сделали честь их веку и их стране». По словам Фёдора Головкина, великий князь умел «быть очень любезным, и во Франции это с ним часто случалось. Передают много остроумных изречений, принадлежащих ему». В Трианоне (дворце на территории Версальского парка), писал мемуарист, «герцог де Коаньи, весьма модная в то время личность, стоя облокотившись на камин, спросил великого князя, не меняя своего положения, как он находит французов. «Они очень милы, – ответил Павел, – хотя немного фамильярны». И далее: «Несмотря на то, что он лицом был очень некрасив, над чем он сам посмеивался, он так хорошо умел себя держать, что отнюдь не казался простым и был настолько сдержан, что как-будто ничему не удивлялся. Однажды в его честь устроили бал в большой галерее в Версале, где уже много лет не давались празднества, и король рассчитывал, что произведет этим большое впечатление на великого князя. Когда граф дю Нор («Северный». – А. С.) вошел, он раскланялся и стал, как всегда, разговаривать с придворными. «Посмотрите-ка на моего дикаря, – сказал Людовик XVI, потеряв терпение, графу де Бретель, – ничему он не удивляется». «Это потому, – ответил министр, – что он каждое воскресенье видит то же самое у своей матери».

В Париже наследник, так же как в Италии, не удержался от непротокольных замечаний в адрес императрицы, заявив удивленным королю и королеве: «Ах! Я бы очень досадовал, если бы в моей свите был даже пудель, верный мне, потому что мать моя велела бы его утопить тотчас после моего отъезда из Парижа!» В словах Павла отразилось его настроение после получения известия из Петербурга о расправе с одним из корреспондентов его друга и приближенного Александра Куракина. Полиция перехватила письмо к нему некоего полковника Бибикова, который резко критиковал порядки при дворе. После расследования Бибиков, как и впоследствии адресат его письма Куракин, внучатый племянник Панина, были сосланы. Окружение наследника, таким образом, понесло большие потери, и императрица пожелала в письме к сыну, чтобы он извлек из этой истории «пользу для настоящего и будущего». Вероятно, мрачные мысли Павла были причиной эпизода, происшедшего в продолжение путешествия, в Брюсселе, и ставшего широко известным в исторической литературе. В 1869 году в журнале «Русский архив» были опубликованы фрагменты воспоминаний уже упоминавшейся баронессы Оберкирх, вспомнившей, как однажды в Брюсселе при обсуждении мистических явлений великий князь рассказал о странном событии, происшедшем с ним в Петербурге незадолго до его первой женитьбы. Как-то вечером Павел в сопровождении князя Куракина шел по улицам столицы. Вдруг впереди показался человек, завернутый в широкий плащ. Казалось, он поджидал путников и, когда те приблизились, пошел рядом с ними. Павел вздрогнул и обратился к Куракину: «С нами кто-то идет рядом». Однако тот никого не видел и пытался убедить в этом великого князя. Вдруг призрак заговорил: «Павел! Бедный Павел! Я тот, кто принимает в тебе участие». Затем призрак пошел впереди путников, как бы ведя их за собой. Подойдя к середине площади, он указал место будущему памятнику. «Прощай, Павел, – проговорил призрак, – ты снова увидишь меня здесь». И когда, уходя, он приподнял шляпу, Павел с ужасом разглядел лицо Петра. Анри Труайя дополнил детали этой встречи по воспоминаниям баронессы: «Я легко различил в этот момент его лицо: орлиный взгляд, обветренный лоб, строгий нос моего прадеда Петра Великого, – вспоминал цесаревич. – Прежде чем я успел удивиться и ужаснуться, он исчез. Я помню мельчайшие детали этого видения, оно было одним и тем же и все время стоит перед моими глазами... И мне страшно, страшно жить в страхе: до сих пор эта сцена стоит перед моими глазами». «Эти последние слова прозвучали в полной тишине. При полном замешательстве всех присутствовавших, – продолжала мемуаристка, – принц де Линь спросил великого князя: «Какую же, государь, мораль можно вывести из сей притчи? Как вы полагаете, что же может означать это видение?» Павел выпрямился и тихо ответил: «Очень простую. Я умру молодым».

О царе Петре российские путешественники вспомнили также в Голландии – следующей стране, которая их ожидала. В Заандаме они посетили домик, в котором жил император в 1697 году, когда учился ремеслу корабельного плотника во время «великого посольства». Домик сохранился до наших дней, в XIX веке вокруг него был сооружен каменный футляр. Знаменитый Лейденский университет был следующим пунктом путешествия. Благодаря знаниям, приобретенным в стенах университета, многие из русских, обучавшихся в Голландии, сделались полезными своему отечеству – такова была главная мысль выступления Павла Петровича перед профессорами университета, торжественно встретивших высокого гостя. Присутствие князя Куракина, получившего образование в Лейденском университете, придало особый эффект этой встрече. Далее через Дюссельдорф и Франкфурт путешественники прибыли на родину Марии Фёдоровны, где она когда-то восприняла первые уроки сентиментализма в духе Руссо, в Этюп – летнюю резиденцию родителей великой княгини недалеко от Монбельяра. Здесь они провели месяц и затем проездом через Швейцарию достигли столицы герцогства Вюртембергского – Штутгарта, где правил дядя Марии Фёдоровны – герцог Карл. Потом – снова Вена на две недели и далее через Краков, Гродно, Ригу – на родину, в Петербург, куда прибыли в ноябре 1782 года.

Павловский дворец. Современный вид.

Во время путешествия великий князь и императрица обменивались письмами, в которых Екатерина сообщала сведения о здоровье сыновей Павла и придворные новости, не всегда благоприятные для наследника, а он сообщал о своих впечатлениях. По возвращении путешественники были встречены скромно, без торжественных церемоний, огромный багаж Марии Фёдоровны, состоявший из десятков коробок купленных в Европе за большие деньги туалетов, приказано было вернуть продавцам без оплаты чеков. Отношения Павла с матерью значительно ухудшились. Сказался и разгром «панинской партии» – сам Панин скоропостижно умер в марте 1783 года на руках Павла, – и откровенное раздражение императрицы в связи с высказываниями наследника о порядках в стране, сделанных им во время путешествия. Павел с женой стал проводить больше времени в Павловске, затаившись и стремясь не давать новых поводов для недовольства. Современный исследователь Михаил

Сафонов приводит любопытное свидетельство английского дипломата Джеймса Гарриса, внимательно наблюдавшего за непростой ситуацией при российском дворе. «Образ действия великого князя и великой княгини, – писал англичанин в своей корреспонденции 6 декабря 1782 года, – с самого возвращения в Петербург был гораздо сдержаннее, чем можно было бы предполагать. Они ведут почти уединенный образ жизни, исключили из своего общества своих прежних любимцев и, по-видимому, желают впредь руководствоваться одною волею императрицы. Трудно определить, чему следует приписать эту неожиданную перемену. Она отчасти объяснялась тем, что они нашли графа Панина слишком ослабевшим для того, чтобы оказать им поддержку или подать совет. Отчасти она могла быть приписана и тому, что они убедились, что почти все лица, сопровождавшие их во время путешествия, их выдали, и, наконец, тем странным слухом, который дошел до них, будто бы императрица намеревалась по возвращении их устранить цесаревича от наследования и после своей смерти передать престол старшему внуку. Какими бы причинами она ни была вызвана, во всяком случае, поведение их было благоразумно и основательно. Но, к несчастью, императрица так сильно предубеждена была против них, что их образ действий нисколько не встречал с ее стороны того одобрения, которого заслуживал. Она назвала их сдержанными, молчаливыми и рассерженными: говорила, что их испортили заграничные связи и что они уже не могут вернуться к обычаям своей страны. Словом, она заранее решила, что будет недовольна, а потому им и невозможно уже было угодить ей».

Павловск

Село Павловское, как уже упоминалось, находящееся недалеко от Царского Села, было подарено Екатериной великокняжеской чете в 1777 году в связи с рождением первенца – Александра. Еще ранее во владение Павлу был передан дворец на Каменном острове, тогда в предместье Петербурга. Активное строительство Павловского Большого дворца происходило во время заграничного путешествия Павла и Марии Фёдоровны. Первый камень в основание дворца был заложен 25 мая 1782 года. Руководил работами талантливый архитектор Ч. Камерон. Дворец в Павловске возводился быстрыми темпами – уже к осени 1782 года были построены главное здание и боковые галереи. Во время заграничного путешествия «графы Северные» постоянно переписывались с архитектором и управляющим павловским городовым правлением К. И. Кюхельбекером (отцом будущего декабриста и друга Пушкина). Но взгляды Павла и Камерона часто не совпадали. Постоянное вмешательство владельца дворца в планы архитектора вело к неизбежным конфликтам. Главной претензией Павла I были размеры дворца: недостаточные, по его мнению, для резиденции будущего императора России. В связи с этим Павловский дворец был перестроен и расширен. Ответственным за строительство был назначен помощник Камерона архитектор В. Бренна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.